

М.А. Широкова

Основные характеристики самодержавного государства в философско-политической концепции славянофилов

M.A. Shirokova

The Main Characteristics of the Autocratic State in the Philosophical and Political Concepts of the Slavophiles

Выявляются важнейшие признаки самодержавной формы государства, концепция которой была разработана славянофилами в качестве модели их политического идеала. К числу этих признаков относятся: народность власти, юридическая неограниченность власти монарха, взаимное невмешательство народа в правительственную власть и государства во внутреннюю духовную жизнь народа, отсутствие бюрократии как промежуточного звена между государством и обществом, высоконравственный облик правителя.

Ключевые слова: славянофильство, формы государства, самодержавие, русская философия, русское сознание.

Понятие «русская идея» прочно вошло в современный философско-политический лексикон, хотя оно подчас наполняется существенно разным смыслом. Стало закономерным и обращение к славянофильству, заслугой которого является выработка классической концепции «русской идеи» в рамках религиозной философии и постановка в связи с этим многих политических проблем, актуальных и поныне: о движущих силах политического процесса, роли государства в жизни общества, соотношении церкви и государства, месте России в мире и, главное, о социально-политическом идеале, соответствующем внутреннему складу русского народа. «Ранние» славянофилы положили начало выработке в русской философской и политической мысли идеала «высокой человеческой общности, где индивид не задавлен всеми и все не страдают от острых углов индивидуальности» [1, с. 8]. Философия в России создавалась славянофилами как политическая философия положительного идеала, и поэтому она современна.

Будучи убежденными в несовершенстве всех существующих и когда-либо существовавших политических форм, славянофилы все же попытались отыскать наиболее приемлемую из них, по возможности преодолевающую пороки остальных. Такой формой славянофилы считали самодержавие. При этом они исходили как из того, что, по их мнению, данная фор-

The paper identifies the major features of the autocratic form of government, a concept which was developed by the Slavophiles as a model of their political ideal. These features include: national character of power, unlimited legal power of monarch, the mutual non-interference of the people into government activity and of the state in inner spiritual life of the people, the lack of bureaucracy as an intermediary between the state and society, the moral image of the ruler.

Key words: Slavophilism, form of the state, autocracy, Russian philosophy, Russian consciousness.

ма оптимальна в условиях России середины XIX в., так – и в гораздо большей степени – из того, что самодержавие является вообще наилучшей формой правления, какую возможно воплотить в человеческом обществе.

В различных работах славянофилов достаточно ясно обозначены основные признаки самодержавия как политического идеала.

Прежде всего самодержавие характеризуется народностью власти. Народ как источник власти добровольно отказывается от нее и передает всю полноту ее государю, который и несет «бремя власти». Тем самым народ одухотворяет, «освящает» государство, которое иначе не имело бы никакого оправдания.

Славянофильский идеал самодержавия как народной православной монархии (Святой Руси) должен был стать своеобразной альтернативой имперской сакрализации государства, установившейся со времен Петра I, а при Николае I возведенной в ранг одного из приоритетных направлений внутренней политики. Знаменитая формула «Самодержавие, Православие, Народность», казалось бы, предполагавшая гармоничное единство политического, духовного и социального начал, в официальной интерпретации выдвигала на первый план элемент политический, что означало подчиненность и «народности», и «православия» «самодержавию» (т.е., с точки зрения

славянофилов, абсолютизму). «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию», – заявлял министр народного просвещения С.С. Уваров [2, с. 306]. Славянофилы же строили свою концепцию самодержавия в обратной последовательности, сакрализуя не государство, а народ, и ставя все вопросы, связанные с функциями государства, в зависимость от нравственных проблем «народности», национального «духа жизни» и т.п. [3, с. 108]. Как писал К.С. Аксаков, Россия всегда желала лишь одного: «дабы правительство не считало себя совершенным и не изъявляло бы притязаний заменить собою внутреннюю совесть и нравственные основы». Но Россия подверглась влиянию Запада, и русское «Правительство», заимствуя отсюда материальные усовершенствования, в то же время внесло в русскую жизнь западные понятия о власти и «стало изъявлять притязания решать все задачи жизни, вмешалось в русский быт, и таким образом стало, хотя отчасти, в положение правительства западного». Аксаков предостерегал: «Кто становится на земле в положение кумира, тот должен ожидать падения» [4, с. 229]. Славянофилы опирались в своих рассуждениях на исторический опыт крушения позднесредневековых абсолютистских режимов в Западной Европе, сметенных буржуазными революциями. Народы Запада пленились идеалом государственного порядка, возжаждали совершенства «Правительства» – и, ища его совершенства, меняли одну форму на другую. Одни пытались достичь своих идеалов через установление абсолютной монархии, другие – конституции, третьи – республики, четвертые – с помощью «коммунистического убеждения». Все эти внешние формы, вне зависимости от типа, чужды русскому народу, так как он идет путем внутренней правды, а не внешних государственных установлений.

Другой важнейший признак, присущий славянофильскому самодержавию, – юридическая неограниченность власти монарха. Настаивая на том, что «правительство» не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь народа, славянофилы в то же время не признавали никаких формальных, законодательно закрепленных ограничений власти самодержца. Правда, славянофильская теория предусматривала некоторые ограничения верховной власти, но они абсолютно не укладывались в рамки европейского права. И.В. Киреевский однажды привел показательный исторический пример: «Императрица Екатерина в своем манифесте, которым она объявляла о низвержении Петра III и о своем восшествии, говорит, что Император Петр III дошел до того, что намеревался даже соделать господствующею в России верою лютеранскую, отчего каждый верный подданный государства должен был помышлять о пролитии его крови. Конечно, не я могу одобрять слова ее, но они, однако же, показывают, как она понимала

единство России и ее веры; и хотя сама была неверующая, но никогда не смела признаться в том» [5, с. 113].

Ю.Ф. Самарин писал: «Правительство не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством». Ограничив самодержавную власть служением «православной церкви и России», Самарин высказывался против закрепления этого ограничения в форме конституции или хартии. Но, добавлял он, «русский человек, хотя он и не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, может быть, также ясно осознает ее назначение, ее естественные пределы, как и англичанин, вычитавший все это в своей конституции, ибо кто признает определенное назначение власти, тот полагает тем самым ее пределы» [6, с. 61].

Эти пределы – «народность» и «православие» в их славянофильской трактовке, а не в трактовке «официальной народности».

Но в отношении возможного введения в России конституции родоначальники славянофильства были непреклонны. Если власть монарха юридически ограничить, то перестанет действовать принцип взаимного доверия «Земли» и «Государства». А это уже будет другая политическая система, «контрактная, а не самодержавная» [7, с. 135]. Нам скажут, рассуждал К.С. Аксаков, что ведь нужно же какое-то «обеспечение» против возможной измены народа или власти друг другу. Гарантия нужна!» Ответ Аксакова на этот либеральный аргумент – своего рода манифест антиконституционализма в истории русской мысли: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желания. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда в него верила и не прибегала к договорам» [8, с. 306].

Из сказанного выше вытекает третий признак наилучшей формы правления, который заключается в признании славянофилами принципов взаимного невмешательства народа в политическую власть и государства во внутреннюю духовную жизнь народа, а также их взаимного доверия. Отметим, что более других славянофилов указанные принципы отстаивал К.С. Аксаков, создатель теории «Государства» и «Земли», убежденный в «негосударственности» русского народа. По его словам, народ не ищет участия в управлении и не желает ограничивать правительственную власть «условиями»; народ выбирает себе жизнь земскую, нравственную: «Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает

свободой политической, внешней, свободу духа, внутреннюю». Невмешательство народа в политику, по мнению Аксакова, обеспечивает только единоличная неограниченная власть, которая и существовала в Древней Руси в лице князя, а позднее царя: «Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе». Народная свобода – и есть основополагающая причина, по которой славянофилы решительно предпочитали неограниченную монархию всем другим формам государственной власти. «Всякая другая форма, – пояснял Аксаков, – демократическая, аристократическая, допускает участие народа и не-пременное ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть, ни требованию неограниченности правительства» [9, с. 76–80].

С требованием невмешательства народа и правительства в дела друг друга тесно связан четвертый признак славянофильского политического идеала – отсутствие бюрократии как промежуточного звена между государством и обществом, между народом и самодержавным правителем. Государственная машина России – имперский чиновничье-бюрократический аппарат – был создан в петровскую эпоху с целью, по примеру Запада, максимально рационализировать отношения между властью и обществом. Однако – славянофилы постоянно подчеркивали это – политический тип отдельного человека и политическая культура общества в целом в России совершенно иные, чем в Западной Европе. А, следовательно, слепое заимствование того, что на Западе может давать относительные улучшения, «частную выгоду», для России губительно и недопустимо. Бюрократия встала между государством и обществом, отделила народ от его избранника – царя, превратив тем самым самодержавие в абсолютизм. У славянофилов, говоря словами Н.А. Бердяева, «было безмерное отвращение к бюрократии». «Бюрократия не органична, – писал он, излагая взгляды А.С. Хомякова, – она чужда русскому духу, заимствована от немцев, бюрократия – болезнь русской жизни» [10, с. 187]. Вместе с бюрократией в русскую политическую реальность было искусственно привнесено западное понимание власти как права и привилегии, а не как бремени, долга, подвига. Вместе с бюрократией в русскую жизнь вошел формализм, «мертвый и мертвящий результат подражания», как называл его Хомяков. Формализм мертвит «деятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплое чувства» [11, с. 131].

Н.И. Цимбаев, говоря об отношении славянофилов и, в частности, К.С. Аксакова к бюрократии, лаконично определил его как «боязнь правительственных чиновников» [12, с. 197]. По его мнению, Аксаков боялся

чиновников так же, как их боялось патриархальное крестьянство. Действительно, славянофилы сформировали свою позицию в отношении правительственной бюрократии, основываясь на мнении народа о ней. Из наблюдений над народной жизнью славянофилы сделали вывод, что бюрократизация «русского быта» крайне вредна, ибо она вытесняет традиционные институты общинного самоуправления и подменяет их расширением «административности». Как всегда, обращая внимание в первую очередь на нравственную сторону вопроса, А.С. Хомяков с явной досадой писал А.И. Кошелеву: «Пошатавшись по Святой Руси и наглядевшись на все ее слои, ты знаешь, как хороша наша чиновность от грошовой уездной до миллионной столичной». Ничто не может быть так ужасно для народа, как «размножение чиновничества, которое народ так верно и живописно называет крапивным семенем» [13, с. 350].

В статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков делает специальное отступление с целью дать ответ на вопрос, что такое чиновник. Глава славянофильского кружка хотел таким образом прояснить «смысл явления, весьма замечательного в нашей современной словесности», которому столь талантливо положил начало Гоголь. «Это явление есть довольно постоянное нападение на чиновника и насмешка над ним». Гоголь, по мнению Хомякова, уловил, что чиновник «есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому» [11, с. 130–131]. Но если Гоголь, художник, воспитанный русской жизнью, русской культурой, имел полное право осуждать чиновничество и смеяться над ним, то многочисленные подражатели Гоголя, носители чужеземной «образованности», не имеют такого права, поскольку бюрократия – это «орудие», созданное самим европеизированным обществом для того, чтобы живых людей превращать в «призраков».

В засильи бюрократии славянофилы видели и основное нежелательное последствие возможной отмены крепостного права. И.В. Киреевский, наибольший среди славянофилов консерватор в данном вопросе, предсказывал, что крестьяне, формально получив свободу, попадут в «зависимость от продажного чиновника вместо зависимости от помещика», а между тем «помещики самые дурные имеют больше совести, чем чиновники» [5, с. 329]. Такая перспектива как раз и заставляла славянофилов «бояться» за народ и быть впоследствии чрезвычайно осторожными в своих проектах освобождения крестьян. Единственный выход из создавшегося положения виделся им в том, чтобы образованное общество во главе с государем восстановило нарушенные «органические» отношения с народом, и тогда, объединив свои усилия против бюрократии как явления, чуждого русской жизни, народ (в который влилось бы и просвещенное дворянство) и царь смогли бы воплотить новую социально-по-

литическую форму – самодержавное государство в соборном обществе.

Пятым признаком самодержавия у славянофилов необходимо назвать высоконравственный облик правителя. Поскольку самодержец обладает формально неограниченной властью, его личность приобретает огромное значение в жизни государства и общества.

Тема личного морального облика государя была одной из центральных в политической мысли Византии, а затем и Древней Руси. Так, например, в памятнике византийской политической литературы IV в. «Наставление правителям» Агапита благостный облик царя положен в основу оправдания византийского самодержавия (автократии) как института. Никто на земле не может обязать государя следовать законам, говорилось в «Наставлении», но государь сам возлагает эту обязанность на себя во имя благочестия, собственного спасения и спасения подданных.

Из русских мыслителей первым обратился к данной теме митрополит Иларион. Он создал образ правителя христианского типа, разработав нравственные критерии, которым тот должен соответствовать. Князь Владимир, в чьем образе автор «Слова о законе и благодати» пытался обнаружить черты идеального правителя, по словам Илариона, «правдою облечен, крепостью перепоясан, истиной обут, смыслом венчан и милостыней яко гривною и утварью златою красуется» [14, с. 36]. Самодержавная власть князя «не произвольна», поскольку он действует в соответствии с открытой ему божественной истиной. Правитель должен с детства готовиться к принятию на себя властного бремени, вся система его воспитания должна быть направлена на осознание им своего высшего нравственного долга перед людьми и Богом.

Впоследствии рассмотрение указанной темы будет продолжено Владимиром Мономахом, который практически воспринял и развил весь комплекс идей Илариона. Эти же идеи получают свое продолжение в произведениях Даниила Заточника, а затем станут активно обсуждаться в политической литературе Московского государства.

Но как византийские, так и древнерусские авторы провозглашали божественное происхождение царской власти. Византийцы заходили еще дальше, обожествляя и саму личность «христианнейшего» императора. «Цари, наперекор христианству, назывались божественными, и величались Нашею вечностию», – с негодованием писал Хомяков в «Семирамиде». Славянофилы не могли принять не только обожествления личности правителя, но и самой концепции божественной природы политической власти. Как отмечалось выше, они считали власть созданием отнюдь не Бога, а человека, его свободной воли и разума. Славянофилы обожествляли «народный дух», основным содержанием которого является православная вера. Именно народный дух помогает

государю использовать средства политической власти для воплощения в жизнь идеального общества и государства. Но государь по своему нравственному облику должен соответствовать возложенной на него высокой миссии. Согласно славянофильской антропологии, самодержавный государь являет собой идеальный тип «цельной» личности, умеющей собрать воедино все силы своей души: веру, разум, волю, чувства, – и направить их к достижению собственного нравственного совершенства и совершенства общества.

Избрав самодержавие наилучшей формой правления, славянофилы указывали, что единовластный правитель олицетворяет собой личностное начало в развитии русского государства, в то время как община, «мир», есть воплощение начала общественного. Таким путем должна быть достигнута гармония в «развитии общества» и «развитии личностей», которая, как утверждал Хомяков, «не была до сих пор уделом никакой страны в мире» [13, с. 346], а только достижение этой гармонии может приблизить человечество к совершенному общественному устройству.

Стараясь доказать западникам и, в частности, К.Д. Кавелину, что в истории России личностное начало было представлено самостоятельно, а не растворялось целиком в общине, Ю.Ф. Самарин писал, что специфически русской формой его представительства послужило сосредоточение всей власти в руках князя, а впоследствии – царя. Общество не может обойтись без единовластного правителя, ибо он отвечает глубокому, существенному требованию «духа народного» – требованию «сочувствия к страждущей личности, сострадания, благоволения и свободной милости» [15, с. 52]. Важнейшей чертой самодержца должно стать «благоволение ко всем, особенно к беззащитным и одиноким, к нищим, сиротам и инокам». Здесь подчеркивается традиционный, патриархальный характер властных отношений, существовавших некогда в России, близкий по сути отношениям любви. Славянофилы утверждали, что властные отношения в России должны быть максимально персонализированы, поскольку именно на личности государя, а не на безличной и бездушной бюрократической машине может быть сосредоточено «теплое чувство» народной любви. Бюрократия же не дает реализоваться «возвышенному христианскому понятию о призвании личной власти» [15, с. 53].

В связи с проблемой нравственного облика государя неизбежно возникает вопрос о его ответственности за исполнение своего высшего долга, т.е. за реализацию властных полномочий в человеческом обществе. Традиционной для русской политической мысли является идея об ответственности самодержца за свои действия перед Богом. Однако время от времени наряду с ней появляется и другая идея – об ответственности самодержца перед подданными. Особенно отчетливо она прослеживается в произведениях Иосифа Во-

лоцкого, будущего идейного главы «стяжателей», в ранний период его творчества. По его мнению, утвердившийся в русском богословии принцип «не-касаемости» царской персоны как Божьего помазанника сохраняется лишь в том случае, когда властитель может свои личные «страсти» подчинить основной задаче осуществления власти в человеческом обществе – обеспечению наибольших благ наибольшему числу подданных. Если же он, будучи поставлен над людьми, над собой «имеет царствующие страсти и грехи, сребролюбие, гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, таковой царь не божий слуга, но диавол», и ему можно «не токмо не повиноваться», но и оказать сопротивление, как это не раз делали апостолы и мученики, ибо «злочестивый царь», который не заботится «о сущих под ним», «не царь есть, но мучитель» [16, с. 370].

Тезис о властителе, который не в состоянии главенствовать над своими страстями, широко обсуждался еще в византийской литературе. В VI в. Иоанн Златоуст писал, что божественная сущность власти может быть утрачена в результате несоответствия ее носителя нравственным критериям христианского вероучения. Если царь «покоряется гневу, честолюбию и наслаждениям», то следует сделать вывод, утверждает Златоуст, что он не способен управлять государством.

Что касается славянофилов, то они не могли применить подобную конструкцию в своих рассуждениях, ибо она основывается на отделении божественной сущности власти от персоны ее носителя. Поскольку власть для них не является божественной, они ставили вопрос об ответственности правителя несколько иначе. Дело в том, что славянофилы всегда считали «главным действующим лицом истории» народ, а не отдельную личность, «хотя бы и гениальную», следовательно, роль государя зависит от того, «каковы потребности народа и насколько полно он их выполнил» [17, с. 270]. Самодержец, для оправдания своего предназначения, должен действовать в интересах всей русской земли. Однако «государь, как и всякий человек, может впасть в заблуждение» [18, с. 38], и тогда его политика разойдется с народными чаяниями. В экстраординарных случаях это может привести к бунтам и мятежам. Но, по мнению славянофилов, даже подобные акции в России совершенно противоположны западным революциям и переворотам. Аксаков полагал, что все народные мятежи никогда не ставили своей целью завоевание политических прав или изменение формы правления, – они были направлены лишь на замену личности правителя. Народ требовал от царя одного – защиты своего мирного благосостояния и духовной свободы. Поэтому единовластному правителю не следует никогда забывать о связи с «земщиной», не отрывать от народа, не отгораживаться от него армией бюрократов-чиновников, а постоянно прислушиваться к его голосу.

Критикуя западную модель бюрократического и правового государства, славянофилы сформулировали свои представления о том, какой в идеале должна быть внутренняя и внешняя политика самодержавия.

В основе политики государства по отношению к своим гражданам, по убеждению славянофилов, должны лежать моральные принципы, а не рациональные нормы права. Деятельность всех общественных, государственных и церковных институтов должна быть проникнута морально-этическим началом. Такая внутренняя политика, по мнению деятелей славянофильства, способствует сохранению единства общества, поддержанию в нем социальной стабильности и гражданского мира.

Несмотря на требование в целом невмешательства государства во внутреннюю жизнь «земли», славянофилы полагали, что русское государство должно заботиться об общественном воспитании, тогда как к западным буржуазным республикам такое назначение в корне неприменимо. «Нет сомнения, что государства, признающие себя за простое или, лучше сказать, торговое скопление лиц и их естественных интересов, как, например, Северо-Американские Штаты, не имеют почти никакого права вмешиваться в дело воспитания», – писал Хомяков. Такие государства не ставят своей целью (да и не могут) способствовать повышению общественной нравственности, ибо они основаны на личной выгоде и корыстных интересах, огражденных системой формальных правовых норм. Зато для России дело воспитания – прямая обязанность, поскольку это государство «признает в себе внутреннюю задачу проявления человеческого общества, основанного на законах высшей нравственности и христианской правды» [13, с. 273].

Итак, внутренняя политика самодержавной власти должна быть ориентирована не на какую-либо социальную группу, а на все общество, поскольку эта власть исходит от народа, не расколотого на противоборствующие слои и группы, народа, имеющего единые нравственные идеалы и ценности.

Внешняя же политика идеального самодержавия должна быть направлена на поддержание мира с другими государствами. Военно-политическая мощь необходима только для отражения возможного нападения. Тем более, что славянофилы не считали возможным использование силы для приобщения других государств к политическому идеалу. Идеал не насаждается механически – он органически вырастает из народной жизни. Необходимо, чтобы в других странах сложились предпосылки для воплощения совершенной формы государства, главная из которых – возвращение этих стран к основам истинной веры. Россия же может повлиять на этот процесс только силой убеждения и нравственного примера.

Таким образом, славянофилы выдвигают концепцию политического идеала, в соответствии

с которой должна быть преобразована российская действительность. Идеалом для них является самодержавие – форма единоличной неограниченной власти, олицетворяющая волю народа. Самодержавие как идеал противопоставляется как реальному российскому абсолютизму середины XIX в., так и всем формам западной государственности. Несмотря на то, что славянофилы объявляли себя продолжателями

древнерусской богословско-политической традиции, их политический идеал во многом не согласуется с политическими идеями святоотеческого богословия не только послепетровского, но и допетровского периода. Употребляя понятие «Святая Русь», славянофилы подразумевали, что носителем святости является церковь и народ (воцерковленное общество), а государство «освящается» через них.

Библиографический список

1. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М., 1995.
2. Никитенко А.В. Дневник. – М., 1955. – Т. 1.
3. Песков А.М. Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. – 1992. – №8.
4. Аксаков К.С. Голос из Москвы // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVII–XIX вв. – СПб., 1992.
5. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. – М., 2007.
6. Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. – М., 1997.
7. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. – М., 1998.
8. Аксаков К.С. Государство и народ. – М., 2009.
9. Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России // Бродский Н.Л. Ранние славянофилы. – М., 1910.
10. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. – М., 1912.
11. Хомяков А.С. О старом и новом : статьи и очерки. – М., 1988.
12. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. – М., 1986.
13. Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М., 2011.
14. Иларион. Слово о законе и благодати // Русская идея. – М., 1992.
15. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М., 1877. – Т. 1.
16. Иосиф Волоцкий. Просветитель. – М., 1993.
17. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. – М., 1911. – Т. 3.
18. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. – М., 1911. – Т. 3.